

Иван-царевич и С. Волк, или
В чужой монастырь со своим самоваром

1001
НЕПРИЯТНОСТЬ

СВЕТЛАНА БАГДЕРИНА

5

Иван-царевич и С. Волк или В чужой
монастырь со своим самоваром

Светлана Багдерина

1001 неприятность

«ИП Стрельбицкий»

Багдерина С.

1001 неприятность / С. Багдерина — «ИП Стрельбицкий», — (Иван-царевич и С. Волк или В чужой монастырь со своим самоваром)

ISBN 978-5-04-014173-9

На что настоящий шатт-аль-шейхец променяет златогривого коня? Как поймать в темной комнате черную кошку истины? Как освободить поработенный народ, который освобождаться не хочет? Почему грабить темных магов — плохая примета? Правда ли, что хорошего человека Змеей не прозовут? Что может заставить джина и человека поменяться местами? Сколько миров существует на свете, как в них попасть, а самое главное — как потом оттуда выбраться? И самый важный вопрос из всех: кого любит Елена Прекрасная? Из серии «Былины Белого Света».

ISBN 978-5-04-014173-9

© Багдерина С.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	21
-----------------------------------	----

Светлана Багдерина

1001 неприятность

Если где-то нет кого-то, значит, кто-то где-то есть.
Закон сохранения вещества

Иванушка несколько раз подпрыгнул на месте, размахивая руками, словно собираясь взлететь.

– Сергей, как ты думаешь, Елене Прекрасной холодно?

Со всех сторон их обступали флегматичные горы, похожие на гигантские черствые ромовые бабы в снежной глазури, а ледяной ветерок нежно взъерошивал растрепавшиеся волосы Ивана.

Серый равнодушно пожал плечами, поплотнее закутываясь в бурку.

– Не знаю. Спроси сходи.

– Я уже спрашивал, – многозначительно отозвался царевич.

Волк не уловил – или не пожелал улавливать – ни одно из этих значений.

– Ну и что?

– Она сказала, что холодно, что она наверняка простудится, обморозится и, скорее всего, у нее даже пропадет голос, – укоризненно отрапортовал Иван.

– Ну и что? – упорствовал в непонятливости отрок Сергей.

– Может, ты отдашь ей свою бурку? – бросил дипломатические игры Иванушка, продрогший до самой мельчайшей косточки, хрящика и жилки.

– С какой радости? – искренне удивился Волк. – Ты хочешь, чтобы я наверняка простудился, обморозился, и у *меня* пропал голос?

– Совсем нет! Дело абсолютно в другом! Ну, как ты не понимаешь?!..

– Никак.

– Она же женщина! Единственная среди нас! И мы должны ей...

– МЫ должны ей? – не выдержал Серый. – Мы ДОЛЖНЫ ей? Мы должны ЕЙ? Говори за себя, пожалуйста, Иван-царевич. Я никому здесь ничего не должен. И меньше всего – этой фифе. Чего ей еще надо? Ты же отдал ей уже свое одеяло, свою подушку, свою шапку, свою бурку!.. Скажи ей, что если у нее будет еще одна, она рискует вспотеть и провонять, как лошадь, а ее туника покроется пятнами – для нее это будет хуже любой пневмонии!

– Не смей о ней так говорить! – взвился царевич. – Она – чистейшее благородное создание, самое доброе, самое нежное, самое прекрасное, что может быть на Белом Свете! Она оказала нам честь, согласившись присоединиться к нам...

– Нет уж, это мы... ты... ладно, мы оказали ей услугу, зачем-то потащив с собой, пока ее не нашел и не прирезал от ревности ейный чокнутый муженек – который там по счету?..

– Сергей! Ты ведешь себя... Ты ведешь себя... как ребенок!

– А ты – как дурак!

Елена Прекрасная закрыла глаза и устало вздохнула, изо всех сил желая, чтобы и со слухом можно было бы справиться так же легко.

Сутки напролет с того самого дня, что они вылетели из Стеллы, Ион ругался из-за нее с Ликандром. Когда, конечно, у него оставалось время, свободное от вздохов, робких, но, к счастью, коротких попыток начать с ней, краснея и бледнея, сбивчивый разговор непонятно о чем, чтения заикаясь вслух нелепых стихов, глядя при этом томительно вдаль, и прочей бестолковой деятельности, входящей в программу влюбленных юношей в семнадцать лет.

Естественно, поначалу ей это льстило. Приблизительно первые двадцать минут. Потом стало надоедать. Потом раздражать. И к концу первого дня путешествия она стала уже серьезно жалеть, что вообще согласилась на его предложение покинуть родину.

Но ей, стеллийке, чью судьбу всегда определял кто-то другой – отец, Меганемнон, Филомея, Париж, Антипод, и чья жизнь проходила в неге, роскоши и комфорте – всегда казалось, что настоящее счастье – это приключения, путешествия и свобода. И когда, наконец, представился шанс воплотить грезы в реальность, Елена не колебалась ни минуты, зная, что находишься рядом кто-нибудь из тех, кто всегда принимал за нее решения, они бы не одобрили ее поступок ни при каких обстоятельствах. И это принесло ей огромное удовольствие.

Насколько она понимала теперь – это было единственное удовольствие за шесть дней пути.

Всё оказалось совсем не таким, как она себе представляла.

Приключения были опасными, путешествие – утомительным, еда – непривычной, компания – скучной. Невозможно было не только принять ванну, сделать маникюр или погладить наряды, но и просто нормально причесаться, потому, что свой гребень она потеряла где-то в лесу, а купить новый, настоящий, черепаховый, было негде: где бы они ни пролетали, не было ни одной приличной лавки! И погода была то слишком жаркая, то слишком ветреная, то слишком мокрая, а вот сейчас – так и вовсе мороз... Кто же мог подумать, что в горах может быть так холодно! Если бы не самоотверженный Ион, так любезно отдавший ей все более или менее теплые вещи, которые были в его распоряжении, можно было бы и насморк подхватить. Страшилище-смешилище – Елена Прекрасная с красным распухшим носом, обветренными губами и обмороженными щеками! Хоть людям на глаза не показывайся. Впрочем, вряд ли это было так уж самоотверженно со стороны Иона. Он ведь откуда-то с севера, а всем известно, что северяне на морозе не мерзнут...

«Что там у нас оставалось?» – думала она невесело. – «Свобода в принятии решений? Замечательно. Париж надо мной бы посмеялся... Ха! Елена Прекрасная! Как же! Елена Сопливая! Елена Лохматая! Елена Немытая!.. С меня хватит!!! Я абсолютно свободно принимаю решение, что не надо мне больше никакой свободы! Я люблю, чтобы мне было тепло, мягко, удобно, вкусно и уютно! Чтобы моя ванна пахла кипарисовым маслом, а волосы – розовыми лепестками! Чтобы меня не донимали своим прилипчивым вниманием юнцы, потерявшие голову вместе с мозгами! Чтобы, просыпаясь утром, я знала, где буду ложиться спать вечером! Я хочу жить во дворце! И чтобы у меня были служанки! И кухарки! Я хочу замуж за богатого царя!.. А если кто-нибудь еще при мне скажет слово «приключение» или «путешествие», то я велю отрубить голову этому человеку! Тупым топором!.. О, боги Мирра, что я тут делаю? И когда всё это кончится?!..»

Елена тихонько заплакала от жалости к себе.

В очередной раз разругавшись вдрызг из-за стеллийки, друзья разбежались в разные стороны.

Иван пошел бродить по окрестностям. Серый же, за неимением достаточного количества окрестностей для брожения, до которых можно дойти пешком на этом плато размером со стол для пиров в Веселом зале мюхенвальдского королевского дворца, и не желая сталкиваться с Иванушкой до того, как оба они поостынут, вынужден был вернуться к лагерю, где их ждал Масдай и не ждала Елена.

Каждый раз после такой размолвки Серого мучила совесть. «Нет, все-таки так дальше нельзя, это не выход – так вот грызтись друг с другом из-за какой-то капризной тридцатилетней тетки. Возомнила о себе что попало... Ах-ах, я красавица... Не пылите... Коза кривоногая. И что в ней Иван нашел? И все остальные?.. Может, когда она всем представляется: «Я – Елена Прекрасная», они чувствуют себя обязанными восхищаться ею? Из боязни, что если они скажут, что в ней нет ничего особенного, то над ними смеяться начнут, как над невеждами? Другого логического объяснения данному феномену, как выразился бы Иван, придумать трудно. М-да... Иван... Чудушко в перышках... А может, я к ней напрасно так отношусь? Может, можно еще что-нибудь исправить? Может, с ней поговорить как-нибудь?

По-человечески так... За жизнь. Поинтересоваться чем... А то ведь вон какая ерунда с Иваном получается... Не нравится мне всё это».

И сейчас, движимый раскаянием, Волк решил осуществить свои давние намерения. Он подошел вразвалочку к костру, у которого, завернувшись в Масдая и уткнувшись носом в коленки сидела невеселая и не такая уже прекрасная Елена, и приземлился рядом¹ и задал вопрос, который, по его мнению, должен был помочь разрешить возникшее недопонимание.

– И долго ты еще с нами кататься будешь?

– До первого встречного приличного царя! – выпалила зареванная красавица.

– Чево-ково? – не понял Волк.

Елена смутилась.

– Не подумай, что твое общество мне нравится больше, чем мое – тебе, – немного спокойнее, но намного высокопарнее стала объяснять она свой порыв. – Я жалею о том, что согласилась на великодушное предложение царевича Иона разделить с вами компанию, и я намереваюсь распрощаться с вами сразу же, как только встречу достойного претендента на мою руку и сердце. Я не создана для бродячей жизни, как вы, меня привлекают тихие радости семейной жизни – балы, охоты, пиры, и я не желаю...

– Что... Ты это серьезно? Это правда?

– Да, это правда! Твой белобр... белокурый царевич, безусловно, очень мил, внимателен и красноречив, и я ему многим обязана, но если ты думаешь, что это мой идеал мужчины – ты ошибаешься. Его среди вас нет.

– Ах, нет... – Волк сосредоточенно прищурился и поджал губы. – Значит, даже так...

– Да. Исключительно.

– А знаешь ли ты, боярыня Елена, что слова твои натолкнули меня на одну мысль... В смысле, идею... Правда, она у меня и раньше была... Но сейчас, кажется, из этого может получиться целый план... Только это – секрет!

– Идею?.. План?.. Секрет?..

– Вот именно. Слушай сюда...

* * *

К вечеру следующего дня путешественники уже изнывали от жары.

Открывающийся взорам разморенной компании пейзаж безапелляционно наводил на мысль, что мир – это не блин, не шар и не тарелка, как считали некоторые лишенные воображения географы и астрономы, а большой желто-белый бутерброд: снизу – раскаленный янтарный песок, сверху – выбеленное беспощадным солнцем небо, и ничего более во всем Белом Свете.

– Это был первый теплый день? – спросил Волк, задумчиво сбрасывая бурку за буркой с Масдая и меланхолично наблюдая, как они планируют на стаю диких верблюдов.

– Нет. Последний холодный, – удовлетворенно отозвался ковер.

Но так или иначе, перемена в погоде пришла слишком поздно. Иванушка успел заболеть.

Он упорно не хотел признаваться в этом и мужественно терпел и бодрился, но когда в сорокаградусное пекло вечером он рассеянно пожаловался на холод, Серый заподозрил неладное. Утром же, когда ночная прохлада не успела еще раствориться под напором обжигающих лучей раскаленного шатт-аль-шейхского солнца, а царевич уже вяло удивлялся, откуда в такую рань такая жара, худшие опасения Волка подтвердились.

Он осторожно приложился губами к огнедышащему лбу друга и констатировал факт:

¹ Но не очень, чтобы чего не подумала.

– В горах ты простудился, обморозился и, скорее всего, у тебя даже пропадет голос.
– Это был твой прощальный поцелуй? – слабо попытался пошутить Иванушка.

– Не говори глупости. Сейчас мы применим мое кольцо, и через пятнадцать минут ты про свою болячку и думать забудешь. А температуру все нормальные люди меряют только губами. Рука обманет, а губы – самое то. Народная мудрость. Куда там, говоришь, нужно руки приложить?..

Но кольцо не помогало.

Сколько Серый ни старался, ни концентрировался, пыхтя и прищуриваясь – ответного импульса от инготского артефакта он не ощущал.

– Тьфу ты, чтоб тебя... – после пятнадцатой попытки со злостью стряхнул он бессильное кольцо с пальца и принялся снова привязывать на шнурок.

– А что это у тебя такое оригинальное? – заинтересованно протянула руку Елена. – Можно посмотреть? Это старинной работы?

– Это мое, – хмуро буркнул Волк, надевая шнурок себе на шею, как будто это объясняло все. – Ты людей лечить умеешь?

– Вообще-то я царевна, – презрительно фыркнула Елена, пряча руку за спину.

– Понятно, – кивнул Серый. – Значит, никакой пользы от тебя быть не может.

– Сергей! – укоризненно вздохнул Иванушка и закашлялся, – Твой утилитарный подход... предпосылка твоей концепции...

– Чего это он? – испуганным шепотом спросила стеллийка, на всякий случай отодвигаясь от больного подальше.

– Бредить начал, – озабоченно отозвался Волк, забыв на время их распри. – Скорее бы лекаря найти какого-нибудь... Да где же его тут в пустыне возьмешь.

– До Шатт-аль-Шейха полтора дня полета осталось, – вмешался примолкший было Масдай. – А быстрого лету – день. Если погода не испортится, ночью там будем. Останемся в караван-сараях...

– Чево-о? В каком еще сарае? Че уж сразу не в коровнике-то? – возмутился Волк.

– Это у сулейманов так постоянные дворы называются, – прокашлял со своего ложа царевич.

– А ничего ты не путаешь? – с подозрением переспросил Сергей.

– Я по географии и страноведению одни пятерки получал, – не преминул скромно заметить тот.

– Хотя, лучше было бы, конечно, днем отдыхать, а ночью лететь, – продолжил развивать свою мысль ковер. – Мне-то все равно, а вам, людям, легче было бы.

– Так-то оно так, конечно, – вздохнул Серый, – Да только пораньше надо в город-то попасть. Плохо ведь Иванушке-то нашему!

– Мне не плохо, мне вполне хор... нор... в смысле, бывает и хуже.

– Молчи, тебя не спрашивают.

Если бы у Масдая была голова, он бы ей решительно покачал.

– Раньше – никак. Если только по дороге бедуины попадутся, у них может быть знахарь какой-нибудь, и если...

– Какие бабуины? – опять не понял Сергей.

– Бедуины, я говорю! И если...

– Я буду смотреть вниз, – робко вызвалась добровольцем Елена, чувствовавшая себя виноватой каким-то непонятным образом в нездоровье царевича. – И если увижу каких-нибудь обезьян – сразу крикну. Хотя как они будут лечить царевича Иона, я...

– Бедуины! – раздраженно повторил Масдай.

– Я и говорю, обезья...

– Кочевники, невежи! Кочевники! Люди такие!

– А откуда ты-то все это знаешь? – подивился Иван.

– Ну это же моя родина... – снисходительно хмыкнул ковер. – Я тут все барханы как свои три тысячи кистей когда-то знал. Даже если триста лет пролетаешь по заграницам – дом не забудешь никогда... Помнится, однажды, когда я был еще маленьким ковриком, попали мы с моим хозяином в самый свирепый самум – только саксаул с тамариском, выдранные с корнем, над барханами вились, как тысяча шайтанов ... – углубился он в ностальгические воспоминания, плавно набирая высоту.

– Кто-кто-куда? – переспросил у Иванушки Волк настороженным шепотом, не желая выдавать свое дальнейшее невежество перед Масдаем и, что самое главное, перед Еленой Прекрасной.

– Самум – это кирпич такой из навоза с соломой, саксаул – старожил, значит; тамариск – это такое мифическое животное, превращающее взглядом в камень, а шайтан – это местный трактир. Полностью называется – «кафе-шайтан». В нем аборигены кофе пьют. Это такой чай, только противный, – прерывистым хриплым шепотом, но от этого не менее авторитетно пояснил Иванушка – скромный знаток всемирной географии и страноведения.

Серый замолчал, переваривая и переводя на простой лукоморский услышанное, сосредоточенно поджав губы, потом почесал в затылке и пробормотал:

– Ну и чудные у них тут творились дела триста лет назад...

Следующие три дня пролетели для Серого как одно большое² мгновение. Поиск среди ночи постоянного двора в славной столице сулейманского государства, розыск самого лучшего лекаря для слегшего пластом в беспамятстве Ивана, поход с Еленой Прекрасной по базарам и лавкам,³ работа над деталями своего хитрого плана...

Впрочем, начнем по порядку.

По дороге в Сулейманию, после того разговора с Еленой, Волк не одну ночь провел ворочаясь с боку на бок и думая думу одну – как встретиться с калифом Сулеймании Ахметом Гийядином Амн-аль-Хасом. На это были направлены все его размышления. К этому устремлялась вся сила его изворотливого и изобретательного ума.

Прийти во дворец на аудиенцию? Проникнуть в сад во время прогулки? Просочиться к нему на улице через охрану? Пробраться ночью тайно в спальню? Назваться купцом? Предсказателем? Послом? Певцом? Рассказать правду?..

Что я, Иван, что ли?

Окончательный вариант плана, сам не ведая того, подсказал лекарь, которого караван-сарайщик, убежденный золотой монетой и красноречивым поглаживанием рукоятки меча, привел для Ивана в ночь их прибытия в Шатт-Аль-Шейх.

Лекарь был стар, тощ, заспан и слегка нетрезв, что, возможно, объяснялось его именем – Абдухасан Абурахман аль-Кохоль.

В ответ на подозрительное принюхивание Серого ученый муж поспешно объяснил, что целыми днями, каждую минуту, свободную от приема больных и смешивания снадобий, занимается изобретением лекарства века – средства, которое избавило бы благодарное человечество от всех болезней. И естественно, как настоящий профессионал, все, что выходит из перегонного куба, должен сначала испробовать на себе.

И, по ехидному мнению отрока Сергея, по меньшей мере, от одного лекарство будущего уже помогало точно.

От краткосрочной памяти.

Потому что достопочтенный Абдухасан Абурахман во время осмотра Иванушки несколько раз засыпал, а будучи разбуженным сердитым тычком в бок, долго не мог вспом-

² Словно глоток рыбьего жира.

³ Это потом долго снилось ему отдельным кошмаром в самых страшных снах.

нить, где он находится, и чего от него хотят. И только закончив составлять крайне вонючую микстуру из компонентов странных и пугающих на вид, даже названия которых Сергию знать не захотелось, и споив ее до капли Иванушке, так и не пришедшему в сознание,⁴ Абдухасан Абурахман проснулся окончательно.

– Как договаривались, теперь вы должны заплатить караван-сарайщику за комнату, где я буду спать остаток ночи, – напомнил он, убирая баночки, мешочки, пузырьки и коробочки с тщательно выведенной на них тушью надписью «Смертельно для жизни» в сумку и доставая пергамент и перо. – Сейчас я еще выпишу вам один рецепт... Это средство будет бороться с лихорадкой, – перо быстро закрипело по пергаменту, брызгая на всех чернилами. – Сейчас у меня нет с собой всего необходимого, поэтому завтра обратись к любому знахарю – хозяин подскажет, куда пойти – тот тебе всё смешает и приготовит. Но не вздумай идти среди ночи, юноша – твой товарищ проживет до утра, хуже ему не будет, а вот ты можешь стать добычей наших грабителей. Или еще того сквернее – встретить калифа, да прославится его благородное имя в веках! – поспешил предостеречь клиента Абдухасан Абурахман, увидев, что Волк, вскочив на ноги, уже протянул руку за рецептом.

– Калифа? – озадаченно переспросил Серый. – Ночью? На улице? Он что у вас – призрак, или привидение какое?

– Что ты, что ты! – испуганно замахал руками старичок. – Да как ты можешь такое говорить про повелителя Сулеймании, самого блестящего правителя наших дней! Он жив-здоров, да продлятся его благословенные годы до бесконечности!

– А что же тогда?

– Да будет тебе известно, любопытный юноша, что далекий предок нашего достославного калифа Ахмета Гийядина Амн-аль-Хасса – да даруют ему боги крепкого здоровья! – знаменитый основатель этой династии – Гарун аль-Марун был прославлен далеко за пределами нашей страны и сопредельных держав. О нем слагались легенды и предания...

– И чем же он был так знаменит?

– Наберись же терпения, о беспокойный отрок! – протестующее вскинул ладони лекарь, приготовившийся перекалфицироваться в сказители. – Я как раз собирался поведать эту старинную историю, которая тянется от древних времен до наших дней, пока ты не прервал меня в самом начале!

– Ах, тянется... – пробормотал Серый, начинавший жалеть, что вообще завел разговор на эту тему.

Любителем историй у них был Иванушка. Волк же являлся любителем поспать. Нет, если история, конечно, того заслуживала, то есть была очень занимательная и не очень длинная, то послушать можно было бы... Но СТАРИННУЮ историю... Которая, к тому же, еще и ТЯНЕТСЯ... После недели изнурительного пути, ссор и переживаний... А может, лучше потом как-нибудь?..

– Да. Кхм. Ну, так вот, – снова сосредоточился Абурахман. – Было это лет двести пятьдесят семь назад. Калиф Гарун аль-Марун был правителем богатым, добрым и справедливым, да пребудет его душа в самом прекрасном райском саду. Больше всего на свете он пекся о благосостоянии своего народа, всегда интересовался, как живет простому труженику Шатт-аль-Шейха – лекарю, гадалщику, меднику, каменщику, водоносу... Он всегда говорил, что его государство не может быть богаче и счастливее, чем самый его ничтожный подданный – вот какой великой души человек был этот Гарун аль-Марун. Какая еще страна может похвастать, что у нее есть такой правитель!.. Но как у всякого калифа, у него был визирь, министры, советники, евнухи, звездочеты, судьи, мудрецы и разные прочие придворные, которые, как всегда это бывает, лучше самого калифа знали, что ему следует делать,

⁴ И поэтому не оказавшему достойного сопротивления.

как себя вести и что кому говорить. И на все его вопросы, как живет его народу, они, естественно, отвечали, что все довольны, и все хорошо. Но великий аль-Марун был человеком не только большого сердца, но и не меньшего ума! Он даже стал подозревать, что иногда визирь и министры говорят ему не всю правду. И однажды он решил, что должен сам помогать своим самым нуждающимся подданным, в первую очередь тем, которые сами не могли или не смели попросить за себя. Но только тем, кто действительно был достоин помощи! И тогда он с наступлением ночи стал выходить в город, оставляя позади безопасные и привычные стены дворца, и бродить по улицам в одежде нищего – в засаленной тюбетейке, дырявых сапогах и залатанном плаще, заходя в кофейни и чайханы. Там он...

– Он же был калифом, – сонно удивился Серый. – Откуда у него драная тюбетейка – что бы это ни было, старый плащ и развалившиеся сапоги?

– Вот-вот, правильно! Как ты абсолютно верно изволил заметить, о наблюдательный отрок, он был калифом, и поэтому приказал своим портным и сапожникам сшить себе самый лучший костюм нищего.

– А разве нищие шьют себе костюмы?

– Конечно, нет! Но ты же сам все верно сказал – откуда у него было взяться изношенному тряпью? Ведь он же был калифом!

– М-да... Похоже, в этой стране правителем быть нелегко... – зевнул Волк во всю пасть.

– Да. И когда лучшие придворные портные шили аль-Маруну его заказ, они пришили к внутренней стороне плаща целые россыпи бриллиантов, рубинов и изумрудов.

– Зачем?

– Они никак не могли взять в толк, как калиф может показаться на людях в простом плаще! А когда он запретил им строго-настрого, под страхом медленной смерти на колу, пришивать даже малую бисеринку снаружи, они все равно поступили по-своему и изукрасили плащ изнутри.

– И он посадил их на кол? – заинтересованно очнулся от полусна Волк.

– Нет. Калиф остался доволен. Находя нуждающегося в его помощи человека, он просто отрывал от подкладки драгоценный камень и отдавал его бедняку!

– Очень мило... – снова зевнул Волк и приготовился дремать дальше.

– А при дворе залатанные сверху плащи с драгоценными подкладками, равно как и эффект благородной засаленности для головных уборов и ажурная аппликация на сапогах, изображающая умеренную дырявость, надолго вошли в моду, – воодушевленно продолжил лекарь. – А имя его, не в последнюю очередь благодаря этой истории, сохранилось в веках как имя монарха, заботившегося о благе простых смертных будто о собственном. О нем складывали легенды и сочиняли сказки...

– Хм. Все это, конечно, очень любопытно, но что-то я так и не понял – при чем тут ваш сейчасный калиф? Ведь это не он, а его предок был любитель походить ночью в народ? – не открывая глаз, уточнил Серый.

– Загони верблюдов своих вопросов в караван-сарай ожидания, о нетерпеливый отрок, – снова по-отечески пожурил Серого Абдухасан Абурахман. – Ибо теперь мое повествование дошло и до наших дней, до калифа Ахмета Гийядина Амн-аль-Хасса, да умножатся его года до бесконечности. С молодых ногтей он старался узнать, что значит быть хорошим правителем для своего народа. Он беседовал об этом со многими мудрецами и прочел несметное множество книг на эту тему. Некоторые говорят, что целых шесть! И вот однажды он, как и приличествует достойному отпрыску древнего рода, изучал в библиотеке многовековую историю своей семьи...

«Зевал и ловил мух, пока какой-нибудь писец, высушенный, как пергамент, на которых эта история записана, скучным голосом зачитывал ему эти байки вслух. Или просто не

мог уснуть после обеда, и приказал почитать ему что-нибудь такое-этакое... Для пищеварения», – мысленно расшифровал для себя Волк, снова начинавший потихоньку засыпать.

А старичок вдохновенно продолжал:

– ...Он понял, что это была не сказка! И тогда замечательнейшая идея пришла его величеству в его наипросвещеннейшую голову. «Надо начинать возрождать бывшее величие семьи с древних традиций», – решил он, и приказал своим портным сшить точно такой же наряд, какой, по преданию, носил Гарун аль-Марун, когда тайно выходил в город, чтобы, как и его великий предок, выходить по ночам за стены дворца и узнавать, как живет его народ. Через неделю всё было пошито придворными портными и сапожниками в лучшем виде – говорят, на тюбетейку не позарился бы даже самый отчаянный старьевщик, а сапоги не взял бы в руки и настоящий нищий, не говоря уже о самой важной детали – плаще...

Серый, небрежно прикрываясь рукой, зевнул во весь рот и подумал: «Я бы на месте портных просто взял то, что выбросили бы старьевщик с нищим, и дурью не маялся... И вообще, что-то дедок разговорился под утро. Может, и спать бы уже пора как-нибудь? Ленка, поди, уже часа три как дрыхнет. И Иванко, вон, притих. Намучался...»

– ... а на отделку подкладки пошли самые отборные самоцветы! Всё было сделано точно, как рассказывалось в летописи. Все предвещало успех. И вот однажды ночью, несмотря на уговоры озабоченных визиря и советников, калиф отважно вышел на улицы Шатт-аль-Шейха.

Абдухасан Абурахман сделал театральную паузу и отхлебнул из одного из своих пузырьков.

– И что? – то ли охнул, то ли зевнул отрок Сергей.

– И его той же ночью ограбили и едва оставили в живых! – с удовлетворением проглотив мутную жидкость с сивушным запахом, покачал головой сулейманин. – Мудрый великий визирь сейчас же провозгласил это ни чем иным, как государственной изменой. Вся городская стража, все осведомители были подняты на ноги. У-у!.. Были тут дела! Немало крови утекло и голов укатилось в тот месяц, но нападавших так и не нашли.

– Но калиф не сдался, – предположил заинтригованный Волк.

– Нет! О, нет! Едва оправившись от того злключения, он заявил, что такая мелочь не испугала бы великого Гаруна аль-Маруна на праведном пути ко всеобщему благоденствию, приказал пошить второй костюм дервиша, и снова стал выходить по ночам на улицы!

– Мало побили, – резюмировал Серый с видом человека, твердо знающего, для чего существуют ночи.

Абдухасан Абурахман зыркнул на него из-под кустистых седых бровей, но ничего не сказав, осуждающе вздохнул и продолжил историю:

– Но урок пошел впредь. И теперь наш добрый калиф тайно выходит в город не один. За ним в отдалении – метрах в трех – следует отряд бдительных стражников. И по строжайшему приказу великого визиря Фаттаха аль-Манаха они хватают всех и каждого, и не только тех, к кому подойдет его величество, но и того, кто всего лишь поимеет неосторожность повнимательнее взглянуть на него.

– И что они с ними делают?

Лекарь приложил палец к губам, испуганно оглянулся по темным углам комнаты и сказал:

– Тс-с-с! Никто этого не знает... Они просто исчезают и больше не появляются. Великий визирь говорит, что они все – государственные преступники, замышляющие новое покушение на драгоценную жизнь нашего беззаветно-самоотверженного монарха. Значит, наверное, так оно и есть... Не нам, простым смертным, обсуждать правильность решений самого великого визиря.

В немой взлохмаченной голове Волка, в мозгу, засыпающем от усталости и не спадающей даже ночью жары, зашевелилась-заворочалась, раздирая толстые покровы сна и стараясь привлечь внимание, какая-то идея.

Серый сосредоточенно нахмурился, поджал губы и помял левой рукой подбородок. Потом приподнял брови и, склонив голову набок, медленно потер шею – признак того, что глас вопиющего был услышан, принят к рассмотрению и одобрен.

– И что, часто он выходит благодетельствовать в народ, этот ваш заботливый правитель? – задумчиво поинтересовался он.

– Практически каждую ночь, – шепотом отозвался Абдухасан Абурахман, на всякий случай попытавшись заглянуть под дверь... – Поэтому я и попросил комнату в караван-сараях на эти несколько оставшихся ночных часов. Я-то знаю, что я не государственный изменник, но великому визирю, да будет его мудрость всегда глубока и неисчерпаема, как прохладный колодец в зеленом оазисе, это доказать невозможно! Особенно без головы...

* * *

Предотвратив по недоразумению четыре ограбления, две кражи и одно самоубийство, Серый уже начинал серьезно сомневаться в гениальности своей идеи,⁵ как в переулке напротив он заметил подозрительно-неестественную сцену.

Точь-в-точь такой он себе ее и представлял. Упитанный нищий, в бесформенной тюбетейке и рваном плаще «от кутюр», загадочно улыбаясь, пытался ласково взять за руку долгового водноса. На перекошенном лице бедолаги с застывшей гримасой почтительного ужаса было написано желание вырваться и убежать, но что-то удерживало его.

Может, предательски отказавший опорно-двигательный аппарат.

Может, стальная хватка дервиша, не полагающегося на случай.

А может, пики, сабли и арбалеты, направленные на него невозмутимыми людьми в штатском, окружившими их с показным безразличием кошки, дежурящей у мышиной норки.

– Это он! – восторженно прошипел Серый на ухо напрягшейся вдруг стеллийке. – Чтоб я сдох, он!.. Не уйдешь теперь, паразит! Вперед, пока он не улизнул!

– Но я представляла его себе более... стройным, что ли? – осторожно проговорила Елена.

– Посадишь на диету!

– И повыше?..

– купишь сапоги на платформе! – яростно прошипел Волк и потащил заробевшую вдруг Елену за угол.

Проскользнуть в непроницаемой тени дувалов, не обратив на себя внимания калифа, стражи и их добычи, не представило никакого труда. Отойдя метров на сорок от перекрестка, где Ахмет Гийядин вдумчиво расспрашивал о жизни перепуганного вусмерть водноса, они остановились, глубоко вдохнули, переглянулись... и тщательно срежиссированная отроком Сергием пьеса началась.

– Стойте, несчастные! – отвратительно скрипуче-визгливым голосом заорал Волк, звучно ударяя мечом о меч. – Жизнь или кошелек!

Елена затопала, изображая быстро удаляющиеся шаги убегающего человека, и испуганно закричала:

– Остановись!.. Вернись!.. Куда ты?!..

– Ха-ха! Он бросил тебя! – злорадно завыл Серый и ударил несколько раз кулаком в ладонь.

⁵ Еленины ядовитые замечания облегчения тоже не приносили.

- Не бейте меня! Пощадите!..
- Замолчи, дура!
- Помогите!!!..
- Отдавай деньги и драгоценности! Быстро!!!
- Спасите!!!.. Убивают!!!..

Из-за угла раздался лязг железа, топот десятка ног и отчаянный крик:

- Сдавайтесь, мерзавцы!!! Держись, госпожа, мы ид... бежим!!!

Волк, приняв низкий старт, дождался, пока отряд телохранителей калифа, возглавляемый своим подопечным, не покажется в поле зрения, бросил на землю купленный накануне специально для этого меч и, припустил со всех ног – только черный плащ развевался за плечами.

– Стой, подлец! Не уйдешь! – несмотря на свое не слишком атлетическое телосложение и отсутствие оружия, Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс намного опередил свою тяжеловесную бронированную свиту и первым домчался до Елены. Увлечшись погоней и распаленный благородным гневом, он пробежал бы дальше, если бы ее ловкая подножка не уложила его рядом с ней в теплую пыль.

– О, спаситель мой, не оставляй меня – мне так страшно, так страшно! – очень натурально всхлипнула Елена, ухватив его за край знаменитого плаща. Калиф вскочил на ноги и торопливо помог подняться ей, и тут она, медленно приложила ладонь ко лбу и, простонав «Ах, мне дурно...» стала падать в обморок. Но, памятуя совет Серого, не слишком быстро, чтобы Амн-аль-Хасс успел среагировать так, как надо.

И калиф не оскрамился.

Неровный свет факелов подоспевшей стражи упал на лицо спасенной им девушки, беспомощно обмякшей в его задрожавших в одно мгновение руках... Ресницы ее затрепетали... Губы приоткрылись... Румянец залил бледные щеки... Плащ распахнулся, соскользнул с плеч, и в атаку вступила тяжелая артиллерия легких полупрозрачных одеяний...⁶

Из-под пушистых ресниц через незаметную щелочку прикрытых глаз лукавая стеллилка внимательно наблюдала за лицом халифа и так хорошо знакомой ей экзотермической реакцией, на нем происходящей. И когда, по ее мнению, «клиент до кондиции дошел», она не торопясь «пришла в себя» и стыдливо отпрянула:

– О, какой позор! Мой избавитель, отважный воин, предо мной – и хороша же моя благодарность!..

Это был знак Волку.

К этому времени он успел обогнуть квартал, выбросить через забор плащ, подобрать и зажечь оставленный на исходной позиции факел и начать второй акт их пьесы.

– Прекрасная гурия... Ослепительная пери... Таинственная чужестранка... Какому богу мы обязаны никчемной жизнью нашей встрече с тобой... – забормотал Амн-аль-Хасс, не сводя с незнакомки округлившихся⁷ очей.

- Елена!.. Елена!.. Сестра моя!.. – донесся откуда-то слева обеспокоенный голос.
- Поистине благословенна будет эта ясноглазая ночь в веках и тысячелетиях...
- Елена!.. Ты где?.. Елена!..
- Это мой брат! – встрепенулась стеллилка. – После маленькой размолвки я ушла одна, только со своим слугой... Но на нас напали... Он сбежал... Трус... Я думала, это конец! О, если бы не вы... – она уткнулась в ладони и сделала вид, что плачет.
- Гурия!..
- Елена!..

⁶ А местами – их отсутствия.

⁷ И заклинивших в этом положении.

– Ликандр! Я здесь! Здесь! – нерешительно повернулась она на голос.

– Елена! – выскочил из-за поворота Волк и, не сбавляя скорости, вынимая из ножен меч, понесся прямо к ней. – Оставьте мою сестру, негодяи!

– Ликандр! Я в безопасности! На меня напали грабители, но этот отважный человек и его друзья спасли меня! Спрячь свой меч, брат мой!

– Напали на тебя? Грабители? Боги Мирра, Елена! Зачем ты не дождалась меня! Беспечная девчонка!.. – голос Волка прервался, как от волнения. – Дифенбахий знает, как это могло все кончиться! – нервно воздел он руки к чернильно-черному небу. – Ну что же ты стоишь? Благодарю своих спасителей, беззаботная! А я дам им денег – эти смелые дервиши заслужили все, что есть у меня с собою!

– Нам не нужны твои деньги, о чужестранец. Если бы ты не был братом несравненной Елены, красавицы, каких не часто встретит грешный странник на земной дороге жизни, мы приказали бы отрубить тебе голову за то, что ты осмелился отпустить ночью одну такую единственную в своем роде девушку! Но ты – ее родственник, и твоя бесславная кончина вызвала бы ее скорбь – и только поэтому мы тебя прощаем, – милостиво взмахнул рукой наследник аль-Маруна.

– Что?!

– Но есть у нас и еще одна, недостойная нашего положения корыстная причина даровать тебе, ничтожному, жизнь.

– Что?!!

– Сколько ты хочешь за свою сестру?

– Что???!!! Ах, ты, наглый нищелюб! Безродный побирушка!!! За такую дерзость я проучу тебя!!! – страшно возопил Волк, тем не менее, не слишком торопясь вынимать меч из ножен.

И тут настал черед торжества калифа.

Он величественным жестом распахнул свой легендарный плащ – жалкое рванье и заплатки снаружи, и бархат и бесценные алмазы – внутри, и горделиво вскинул голову.

– Да будет тебе известно, о чужестранец, что нас зовут Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс, и мы являемся правителем Сулеймании – калифом Шатт-аль-Шейха, – высокомерно объявил он.

Может, Амн-аль-Хасс ожидал, что нахальный иностранец смешается, оробеет, будет просить прощения, пощады или еще чего-нибудь, раз уж подвернулся такой уникальный шанс – но тут он ошибался.

– Моя сестра не продается! – не менее высокомерно оттопырив нижнюю губу и уперев руки в бока, тут же отозвался Волк.

– Ах, так?! Тогда мы прикажем... Мы заставим... Мы... Мы...

Но тут калиф нечаянно перехватил взгляд Елены Прекрасной и почувствовал, как вся его спесь тает и уходит в песок, словно мороженое на пляже.

– Мы... Мы... Мы полюбили твою сестру – да расцветает ее красота вечно, подобно нежной розе в прохладном саду! – с первого взгляда... И мы готовы жениться на ней хоть сию же минуту – ибо сама жизнь наша теряет свою прелесть, если рядом не будет этой горной газели с глазами, подобными двум черным бриллиантам! Но если тебе не надо денег, алмазов, рубинов, изумрудов, янтаря... – и калиф украдкой с вопросом и надеждой глянул на отрока Сергия. – ...золотых изделий, богато изукрашенных драгоценными камнями и серебряной сканью, парчи, бархата, шелка, пряностей, караванов верблюдов, груженных различными товарами...

– Нет, – упрямо мотнул головой Сергий.

– Невольниц и невольников, белых из стран северных, холодных, где птицы замерзают на лету, и железо крошится, как глина, и черных, из стран южных, жарких, где вода в реках кипит, а песок под ногами плавится?..

– Нет.

– И роскошных дворцов, садов с редкими растениями и ручьями, приносящими прохладу в летний зной, и чинов, званий, почестей и славы...

– Нет.

– Но чего же ты тогда хочешь?! – чуть не плача, возопил монарх, хватаясь за сердце.

– Слышал я, что есть у тебя конь заморский, златогривый... – как бы задумчиво начал Волк, и испарина мгновенно выступила у него на лбу.

Начиналось то, ради чего весь этот спектакль и был затеян. То, от чего зависело всё.

– Согласен! – тут же выпалил калиф. – Еще что?

«Еще?!...» – в первый раз за долгое и долгое время Серый лишился дара речи. Он был похож на человека, который изо всех сил с разбегу налетает плечом на закрытую дверь, приготовившись ее выломать, но вдруг выясняется, что дверь мало того, что была не заперта, но и открывалась от себя.

Но трагикомичность его положения заключалась еще и в том, что потерявший голову от внезапного приступа любви калиф перечислил уже всё, что только можно было пожелать, и от всего Волк, не задумываясь, пренебрежительно отказался. И теперь, когда его спрашивали, что еще, кроме коня, он хочет получить за Елену, его воображение, смущенно пожав плечами, отводило взгляд.

– Еще...

– Да, еще, – бедный калиф, глазами, полными новой надежды, робко заглянул ему в глаза. – Ведь конь – это слишком мало за богиню красоты – прекрасную Елену, я сам понимаю, я не могу просить тебя уступить твою божественную сестру всего лишь за какое-то непарнокопытное!..

– Еще...

Что же еще можно попросить? Калиф уже предлагал все – драгоценности, рабов, верблюдов, недвижимость, звания... Что осталось?

Серый по недавно приобретенной привычке задумчиво пощупал через рубаху волшебное кольцо старого Ханса на груди – грубый рельеф, тяжесть серебра, выпуклость камня...

Магия.

– А нет ли у тебя, о состоятельнейший из правителей, каких-нибудь магических безделушек? – спросил он.

Амн-аль-Хасс нахмурился, то ли стараясь вспомнить, есть ли у него вообще что-нибудь волшебное, то ли перебирая в памяти залежи своих артефактов, как почему-то называл такие вещи царевич, выбирая среди них наиболее бесполезный.

– Есть, о благороднейший из юношей! – наконец просветлел он лицом. – Мы бы, конечно, предпочли подарить ее своей невесте в день свадьбы, но если ты так хочешь – она твоя.

– Она?..

– Это старая медная ваза – любимая игрушка еще нашей пра-пра-прабабушки. Стоит ее потереть и прошептать над ней название любого цветка, как он тут же в ней появится! Правда, забавно? Нашему пра-пра-прадедушке она стоила целое состояние!

– И всё?

– Клянемся бородой аль-Маруна – больше ничего нет! В наши дни магия не так хорошо распространена в Сулеймании, как раньше. Владелец даже самого крошечного пустяка считает себя счастличиком! А что? Почему ты спрашиваешь? Этого мало? – с содроганием спросил влюбленный калиф.

– Нет, напротив! Замечательно! – просиял лукавый отрок в ответ. – На том и сговоримся!

– Как мы счастливы! Как мы рады! – всплеснул короткими ручками вдохновленный Амн-Аль-Хасс. – Звезда удачи сияла над нами сегодня, когда мы выходили из нашего дворца делать добрые дела, и великий Сулейман вознаградил своего ничтожного слугу! Добро пожаловать в наше скромное жилище, мои дорогие гости! Проведете остаток ночи в малом дворце, утром начнем приготовления к свадьбе, а вечером справим торжества!

– Но...

– Нет-нет! Даже не думайте отказываться! Мы и секунды не сможем прожить без нашей несравненной Елены – сердце наше разорвется от мук разлуки, если вы откажетесь принять наше гостеприимство!

– Но я...

– Все наши рабы и слуги, танцовщицы и музыканты будут в вашем распоряжении!

– Но мы...

– Поющие фонтаны, прохладные заросли у ручья, тенистые беседки, беломраморные террасы, изысканные украшения в комнатах гостевого дворца – равных им нет в целом мире!

– Ликандр, пожалуйста!.. – не выдержала Елена, но Волка ничто не могло поколебать в его решимости вернуться в караван-сарай и быть рядом с медленно выздоравливающим Иванушкой, на случай, если больному что-нибудь понадобится.

– Нет.

Ничто, кроме...

– А еще сегодня наш повар приготовил заморский деликатес – бананы в шоколаде. Мы уверены, вы такого никогда не едали!

И тут Серый сдался.

* * *

...Сегодня он снова наблюдал из своего укрытия, как девушка со станом, гибким, как ветка молодой ивы и глазами огромными и бездонными, как горные озера, пришла с простым медным кувшином к фонтану за водой. Но в чувствах его уже не было горечи безнадежности, как раньше. Напротив! Он оглядывал ее стройную фигурку, точеные черты лица и черные косы с ревнивой гордостью владельца. Еще немного – и она будет принадлежать ему, и ее лучистое имя – Фатима – он прошепчет жарко в ее маленькое ушко. Какая красавица!.. Как слепы те, кто считает, что красота, как толстый золотой браслет, может принадлежать исключительно богатым холеным матронам! Пусть глупцы пребывают ослепленными богатством и знатностью. А он сорвет этот пустынный цветок не с клумбы – с бархана, и осыплет его всеми благами и роскошью, о которых любая девушка может только мечтать. Все сокровища мира он бросит к ее ногам. Все чудеса Белого Света. Всё своё бесконечное одиночество, всю нерастраченную любовь и нежность превратит он для нее самозабвенно в невообразимые радости и наслаждения, наполнив ими каждое драгоценное мгновение ее жизни. И тогда у него на глазах случится истинное чудо – маленькая песчаная фиалка превратится в благоуханную розу, и роза эта будет принадлежать только ему, и цвести только для него. И вся жизнь ее превратится в блаженство, и как дурной сон будет прекрасная Фатима вспоминать годы в услужении в вонючем караван-сарае, с кувшином и тряпкой...

Он уже почувствовал близость нужного человека.

Подожди, моя белая розочка.

Осталось совсем чуть-чуть.

* * *

Отрок Сергей возвращался в караван-сарай, где оставил Ивана два дня назад, с чувством малыша, который только что поймал первую в своей жизни рыбу – огромного карася – но вместо невода использовал любимый мамин плащ.

Серебристый конь с золотыми гривой и хвостом послушно шагал за ним, позвякивая при каждом шаге уздечкой, едва ли менее драгоценной, чем он сам. В замшевой сумке за плечами при каждом шаге стучала в лопатки волшебная ваза, с виду похожая на нечищенный кувшин нерадивой хозяйки. Калиф сказал, что это не грязь, а благородная патина, и что именно это показывает, какая она старинная, чтобы не сказать – древняя, что придает ей дополнительную ценность, и что лет через четыреста, если ее и далее не чистить, ей просто цены не будет, но для родного брата его ненаглядной Прекрасной Елены ему ничего не жалко, давай, еще выпьем этого искристого шербета и раскурим кальян дружбы... Но Серый с детства помнил предупреждения старого знахаря Минздрава, что курение опасно для нашего здоровья, и предоставил пыхтеть и булькать мутным зельем Ахмету Гийядину, захмелевшему от свалившегося на него счастья в лице своенравной стеллийки, и его гостям. Сам же, ни на секунду не забывая о простуженном Иване, брошенном ими на милость прислуги в пыльной вонючей дыре, именуемой то ли колонна-амбаром, то ли пелотон-чуланом, при первой же возможности, прихватив выторгованные призы, помчался назад.

Но шаги его с приближением к сулейманскому постоялому двору – как его там? – всё замедлялись и замедлялись, и вся ложь об исчезновении Елены Прекрасной, заготовленная ранее и казавшаяся чрезвычайно правдоподобной еще полчаса назад, начинала представляться беспомощной и нелепой выдумкой, не способной обмануть даже Ивана. Оставалось только надеяться, что царевич еще не пришел в себя, и тогда его можно будет погрузить на Масдая, завести на него же коня – ох и ругани-то будет, но не в сапог же его совать!.. – и быстренько лечь на обратный курс. А там, когда оклемается сердешный, уже поздно будет. И забудется эта спесивая взбалмошная Ленка как страшный сон.

Хозяин встретился ему у ворот – он провожал старьевщика с повозкой, нагруженной хламом. Прижимая к груди медный котелок, выменянный на копившуюся месяцами рухлядь, караван-сарайчик одновременно пытался выглядеть, не прихватил ли проныра-коммерсант со двора чего ценного.

Увидав ослепительного коня и одежду его владельца, лопающуюся от золотого шитья и самоцветов, хозяин выкатил глаза, вытянул шею и выронил котел из рук.

– Что ты так тарачишься? – свысока удивился Волк. – Лошадей, что ли, никогда не видывал, или меня не узнал? Я теперь – деверь калифа Амн-аль-Хасса. Или шурин? Или свояк... Короче, я обменял свою любимую сестру на его любимого коня, которого и вверяю пока в твои дырявые руки. Заботься о нем до нашего отъезда как о себе самом – и мы вознаградим тебя по-цар... по-калифски. Но если хоть волосок упадет с его гривы – ты свою беспутную башку не найдешь больше и с атласом. Понял?

– Все понял, ваше высочество, – поклонился до земли хозяин.⁸

– Исполняйте, – лукоморец не стал вдаваться в тонкости местного этикета, а просто бросил ему поводья. Сам же быстрым шагом направился в их с Иваном комнату, на всякий случай готовясь к самому худшему – крикам, ссоре, драке, лекции...

Но к тому, что комната окажется пуста, он готов не был.

– Масдай, где Иван? – тревожно озираясь, спросил он.

⁸ А может, просто наклонился подобрать котелок.

– Не знаю, – недоумевающе прошелестел ковер с лежанки. – Вчера днем, ближе к вечеру, внезапно очнулся, встал, вышел и больше не возвращался. Может, пошел вас с Еленой искать?

– Еще этого только не хватало, – состроил страшную мину Волк, развернулся и галопом вылетел во двор.

Хозяина он нагнал около конюшни.

– Эй, хозяин, слышь, как там тебя...

– Маджид, ваше высочество.

– Сергей, между прочим, – Волк неловко сунул руку, свежееукрашенную разнообразными перстнями – подарком «зятя» – для пожатия и чуть не отскочил, когда Маджид попытался облобызать ее.

– Ты че, с ума спрыгнул? – испуганно покрутил он у виска. – А ну прекрати!

– Как прикажет ваше высочество, – с готовностью согласился хозяин.

– Прикажу, – ворчливо буркнул Волк, но тут же добавил, вспомнив, зачем он тут: – Ты друга моего не видал здесь нигде?

– Больного?

– Да хоть больного, хоть здорового – не видал?

– Нет, не видел, виноват. Я не знал, что за ним... что он встает... Я бы...

– Ну ладно, не видел, так не видел...

И Серый твердым шагом направился к собирающимся в дорогу купцам.

– Эй, торговый люд, вы тут чужеземца в стеллийской одежде не видали вчера или сегодня?

Но ни торговцы, ни слуги, ни ремесленники Ивана не видали. В голову Серого пришла гениальная, как все простое, мысль, и он быстро выудил из карманов штанов Ярославнин «иваноискатель». Ну-ка-ся, ну-ка-ся...

Но приборчик был мертв.

«Может, я его просто придавил сильно где-нибудь? Или он перегрелся? Или магия выветрилась? И ничего страшного с царевичем вовсе и не случилось?» – думал, не веря сам себе Волк, устало опустившись на низкую каменную скамеечку у фонтана, откуда был хорошо виден единственный вход в караван-сарай. Он сидел, повернувшись разгоряченным лицом к прохладным струйкам воды, и задумчиво подбрасывал завалявшуюся в кармане золотую монетку.

«Может, он пошел погулять в город и немного подзадержался? Или нашел себе приятеля и пошел к нему в гости? Или... Или... Ну почему, когда его лукоморского высочества нет на месте каких-нибудь полдня, я обязательно должен подозревать самое страшное?! Может же быть десяток... нет, сотня каких-нибудь совершенно безобидных причин, по которой я не застал его в комнате! Только почему же я не могу назвать ну хотя бы одну?..»

Денежка выскользнула из дрогнувших пальцев Сергея и с едва слышным плюхом упала в фонтан.

«Да еще и вот это!..» – сердито подумал Волк и уже собрался было засучивать парчовые рукава, чтобы достать ее со дна, как услышал за спиной издевательский смешок.

– Рученьки-закорюченьки, да, северянин?

Волк медленно обернулся. Рядом стоял смуглый до черноты долговязый юнец в чистой дорожной одежде – видно, собирался уходить с караваном. Серый смерил его взглядом и презрительно хмыкнул. И хмык этот ясно сообщал всем заинтересованным и не очень лицам, что на его личной шкале таких мелких делений еще не было нанесено.

– Ты, я вижу, тут впервые? – свысока спросил он.

– Да, – вызывающе ответил юноша. – Я из Амальгамы.

– А-а, – снисходительно махнул рукой Волк. – Значит, ты не знаешь.

И отвернулся.

– Чего не знаю?

– Этого поверья.

– Какого поверья? – не унимался тот.

– Старинного. О фонтане.

– О фонтане?..

– Да. Хотя, по-моему, это знают все. В этот фонтан надо бросить золотую монету, если ты хочешь вернуться в Шатт-аль-Шейх еще раз.

– Да?... – озадачился амальгамец. – А если еще два раза?

– Две золотых монеты.

– А если бы я хотел здесь поселиться?

– Прикинь, сколько лет ты бы хотел тут прожить, и за каждый год – по одной серебряной монете. Ну и за возвращение – золотой.

– Хм... – юноша хотел сделать вид, что не поверил, но у него не очень получилось.

Серый со скучающим видом снова отвернулся и стал демонстративно заинтересованно разглядывать замысловатой формы трещину в заборе.

Меньше, чем через полминуты он услышал мягкое позвякивание отсчитываемых монет, а затем веселый всплеск.

– Что это ты такое делаешь, Абу? – к их компании присоединился караванщик.

– Ты когда-нибудь слышал о старинном поверье, о мудрый Хасан, что чтобы вернуться еще раз в Шатт-аль-Шейх, надо бросить золотую монетку в этот фонтан?

– Да, естественно. Каждый раз так делаю.

И в фонтан полетела еще одна монета.

Чего не сделаешь, чтобы поддержать авторитет всеведения перед молодежью!..

– Абу, Хасан-баба, что там у вас интересного? – окликнули их погонщики из другого каравана.

– Исполняем древний ритуал перед отправлением, – важно отозвался юнец.

– Какой ритуал?

– Как?! Вы никогда о нем не слышали?!..

* * *

Ворота с визгливым скрипом захлопнулись, старый чинар у забора содрогнулся и посыпал листьями. Старьевщик, вытерев рукавом засаленного халата пот со лба, оглянулся по сторонам.

– Ну как? – коршуном бросился к нему человек в синем бурнусе, перепрыгивая через три ступеньки крыльца большого дома.

– Он в наших руках, брат! – загорелое лицо старьевщика, изрезанное морщинами, как скомканный лист бумаги, озарилось торжествующей улыбкой. – Всё, как мы рассчитали! Надуть караван-сарайщика было парой пустяков. Хотя почему надуть? Кувшин за котелок – все честно!

Братья расхохотались.

– Ну, где же он? – подпрыгивая от нетерпения, младший брат – Иудав, дипломированный черный маг третьей степени, нырнул в кучу хлама на телеге.

– Здесь, – откинув борт, одним движением руки старший брат, не менее дипломированный черный маг четвертой степени по имени Гагат, сбросил верхние слои, и на самом дне, среди дырявых тазов и гнутых стремян, во всей своей зеленобокой красе, пред ними предстал помятый кувшин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.